

Хотя Ань Лань ясно дал понять, что хочет нырнуть в пруд за своей добычей, Гун Цзю властно увёл его прочь.

Он не повёл его в какое-то особенное место, а просто вернул в свои покои. Там молодой господин подозвал двух служанок и велел им переодеть юношу в чистую и целую одежду. Затем он что-то сказал им, и девушки, побледнев, упали на колени, дрожа от ужаса.

— Не можете даже за одним человеком уследить. Какой от вас толк?

Хотя это был вопрос, в его голосе не было ни капли гнева. Он говорил абсолютно спокойно, словно просто констатировал факт. Но у служанок от этих слов кровь застыла в жилах. Бесплезные люди — это мусор, а Молодой господин Цзю никогда не держал при себе мусор.

— Просим прощения, господин!

Они одновременно ударились лбами о пол, разбив их в кровь.

Гун Цзю никогда не прибегал к пыткам и, возможно, даже не удостоил бы их наказания, просто выбросив, как ненужные вещи. Но для тех, кого он отвергал, жизнь на этом острове становилась хуже смерти.

«Что происходит? Они боятся. Боятся Гун Цзю? Зачем они бьются головой о пол? Это же так больно»

Ань Лань стоял в стороне, полный недоумения. Но, вспомнив, как эти девушки помогали ему и заботились о нём, он решил попытаться им помочь. Подумав, он осторожно потянул мужчину за рукав и тихо сказал:

— Ты не надо...

И запнулся. Скучный словарный запас не позволял выразить мысль. Русал с тревогой посмотрел на собеседника.

— Не надо... того... того...

— Чего «того»? — с усмешкой спросил Гун Цзю.

Как юноша ни старался, нужные слова не приходили на ум. Он взглянул на служанок, и его взгляд остановился на их окровавленных лбах. Его осенило. Он указал на собственный лоб:

— Не надо этого.

— Не надо их голов? — мягко спросил Гун Цзю.

— Голов? — Ань Лань растерялся. Он ещё не выучил это слово. — Что такое «голова»?

Постойте, он ведь хотел, чтобы тот их отпустил. А слова мужчины прозвучали для него как «не надо их Х». И что бы ни означало это «Х», что-то здесь было не так.

Не успел он додумать, как служанки снова начали в ужасе биться головами о пол, ещё сильнее, чем прежде, что лишь укрепило подозрения юноши. Решив, что его не поняли, он подбежал к одной из девушек, остановил её и, проведя пальцем по кровавой ране, хотел было мазнуть кровью по своему лбу, чтобы показать ещё раз.

«Нет, стойте. Зачем мне это делать, если у них уже есть раны?»

Рука Ань Ланя замерла. Он с сомнением посмотрел на свою ладонь, затем молча вытер кровь о рукав, указал на рану служанки и, глядя на Гун Цзю, с нажимом повторил:

— Не надо этого!

Тот долго молча смотрел на него, затем медленно произнёс:

— Можете идти.

Служанки, шатаясь, поднялись и, не смея медлить, покинули комнату. Кажется, всё обошлось. Юноша улыбнулся мужчине и похвалил его:

— Гун Цзю, хороший.

Молодой господин лишь промолчал. Глядя на искреннее лицо Ань Ланя, он криво усмехнулся.

— Я хороший?

Русал энергично закивал и с надеждой спросил:

— Ты можешь... быть... моим... моим...

Как по-человечески будет «друг»?

— ...тем?

Гун Цзю помолчал, глядя на него, затем лениво переспросил:

— Кем «тем»?

Юноша в отчаянии взъерошил волосы, но не смог найти нужных слов. Вдруг его глаза загорелись. Он раскинул руки, обнял мужчину и легонько потёрся о его ногу своим «хвостом». Именно так русалы выражали близость и дружбу!

Гун Цзю промолчал, его рука легла на рукоять меча. Ань Лань тут же отпустил его и, сияя глазами, спросил:

— Можно?

— Ты этого хочешь? — отдельно произнёс тот, и в его взгляде промелькнул холод.

— Угу, угу, — с наивной радостью закивал юноша.

И тут он почувствовал, как от собеседника повеяло жадной убийства. Он с тревогой посмотрел на него, но лицо того было спокойным, и русалу показалось, что это лишь его воображение. Но этот холодный, оценивающий, словно на вещь, взгляд заставил его инстинктивно съёжиться.

«Может, Гун Цзю не хочет со мной дружить? Может, не стоит...»

Как только он собрался отступить, мужчина вдруг улыбнулся и мягко произнёс одно слово:

— Хорошо.

«Он согласился?» — Ань Лань замер, а затем от радости снова бросился к нему, чтобы потереться. Ему даже захотелось запеть!

Гун Цзю отстранил его. В его взгляде не было ни капли тепла.

«Такая красивая, таинственная и глуповатая игрушка. Можно оставить для развлечения. И, возможно, от неё будет какая-то польза»

В этом мире не было ничего, чего бы он не мог получить. Он привык, что всё достаётся ему без усилий — и то, чего он желал, и то, что само шло в руки. По крайней мере, на этот раз было не так скучно.

Для Ань Ланя Гун Цзю, его первый друг-человек, был особенным. Подумав, он решил подарить ему благословение. Он видел, что тот под водой чувствует себя почти как рыба, так что улучшать его плавательные способности было бессмысленно. Благословения на силу, полёт или плодовитость, свойственные драконам и пернатым, были не в его власти.

Поразмыслив, русал понял, что может лишь добавить Гун Цзю немного очарования.

«Пусть и бесполезно, но лучше, чем ничего»

Успокоив себя этой мыслью, Ань Лань протянул руки ладонями вверх. Молодой господин опустил взгляд.

— Что это?

Юноша протянул руки ещё ближе и пошевелил пальцами.

— Это.

Гун Цзю посмотрел на его изящные руки, затем долго всматривался в его глаза, словно пытаясь найти там хоть тень злого умысла. Но не нашёл. Ни единой тени. Это были самые чистые глаза, которые он когда-либо видел в своей жизни.

Он медленно протянул руки и накрыл ладони юноши своими. Их кожа соприкоснулась. Ань Лань закрыл глаза и запел.

Тёплая, чистая, неземная песнь наполнила комнату. Гун Цзю замер. Впервые в его глазах промелькнуло что-то похожее на потрясение. Его взгляд на Ань Ланя изменился.

Песня была так прекрасна, так умиротворяющая, так тепла, что её глубина проникала в самую душу, и никто не мог ей противостоять. Даже Гун Цзю, в чьём сердце таилась бездна, почувствовал, как его ледяное сердце окутывает что-то нежное, и ощутил невыразимое удовлетворение. Никогда прежде он не испытывал такого спокойного удовлетворения.

Поскольку всё доставалось ему слишком легко, он никогда не знал радости от исполнения желаний. Даже в моменты самоистязания мимолётное удовольствие сменялось лишь ещё более глубокой пустотой и скукой. Эту боль обычным людям было не понять.

Он молча смотрел на юношу, медленно сжимая его руки, словно изголодавшийся, но невероятно привередливый человек, наконец нашедший хоть что-то съедобное.

Ань Лань, сосредоточенный на благословении, вдруг почувствовал, как его сознание помутилось, и он чуть не сбился с песни.

«Что это так пахнет? И всё ближе...»

Он поспешно собрался с мыслями. Если сейчас отвлечься, благословение могло легко превратиться в проклятие или приобрести какой-нибудь побочный эффект. С трудом подавив любопытство и соблазн, он завершил песню, резко отдернул руки и отскочил к двери, выглядывая наружу.

От густого аромата у него потекли слюнки. Так пахло едой, и, должно быть, очень вкусной. Он с надеждой смотрел в ту сторону, откуда доносился запах, забыв обо всём на свете. И, конечно же, о Гун Цзю, чьё лицо за его спиной мгновенно помрачнело.

Вскоре в поле его зрения появилась девушка в розовом платье с улыбкой на лице. Она несла на подносе белую нефритовую чашу, от которой исходил тот самый манящий аромат. Она лишь мельком взглянула на Ань Ланя, прошла мимо него в комнату и сладким голосом произнесла:

— Девятый братец, я приготовила тебе говяжий суп!

<http://bllate.org/book/16011/1560574>